

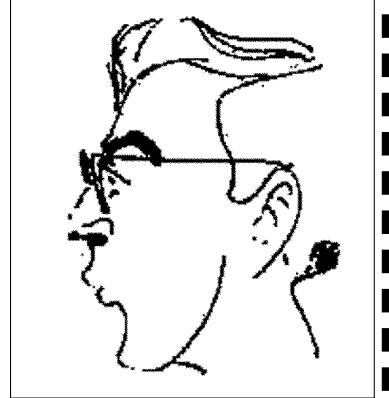
А. ВАЙНЕР, Э. КУЗНЕЦОВ

БЫСТРЫЙ КАРАНДАШ

ОДЕССКИЕ ШАРЖИСТЫ

А. Крученых: Вс. Иванов

Г. Юнгвальд-Хилькевич: Вас. Ливанов

Ст. Кузнецов: Н. Балиев

В. Джевага: Зинovieй Гердт

Увидев шарж на хорошо известную личность, зритель с удовольствием отмечает его сходство с персонажем и в очередной раз удивляется тому, какими средствами это сходство получено. Какие-то, на первый взгляд, необязательные линии, штрихи, деформированные черты подчеркивают, как говорил Ф. Достоевский, "главную идею физиономии". В итоге настоящий шарж становится похож на объект больше, чем объект сам на себя.

Наверно, невозможно найти такой город, поселок или редакцию газеты или журнала, в которых бы не обнаружился хотя бы один человек, умеющий похоже изобразить соседей, сотрудников... Естественно, востребованность шаржей напрямую зависит от склонности к юмору трех участников акта — исполнителя, его модели и зрителя. Чем более демократична обстановка, чем накаленнее творческая атмосфера, чем непринужденнее отношение, тем большая вероятность многостороннего использования шаржа в различных сферах общественной жизни.

Шарж любопытен тем, что, находясь в пограничной области портрета — карикатура, решает двойную задачу: отражает внешность и, одновременно, отношение к ней. Он почти никогда не бывает равнодушен или беспристрастен. Обычный портрет — элитарен; он — для знатоков, музеев, закрытых пространств. Шарж — для всех и каждого. Шаржи бывают разными: могут оказаться примитивными комментариями, а могут подняться до философских обобщений, которые и не снились реалистическому портрету.

Обычно шарж культивируется там, где понимают юмор, где процветает интерес к культурной жизни, где ценится печатное слово, где сохраняется вкус к тому, что называется общественным мнением. Поэтому он популярен в столицах развитых стран и в городах, традиционно не уступающих им в любых культурных начинаниях. Среди таковых Одесса находится далеко не на последнем месте. Кипучая творческая деятельность, активная связь с Западом, темпераментное население, развитая сеть периодических изданий — все это провоцирует процветание в Одессе карикатурных портретов.

В шаржах одесситов можно отметить некоторую склонность к фиксации чисто внешней узнаваемости; редко художники старались проникнуть во внутренний мир персонажа. Одесский юмор, обладающий импровизационной взрывной силой, отражал обычно мгновенную ситуацию — сродни ему был и одесский шарж, чаще всего существовавший как факт текущего дня, порожденный конкретным событием. Завтра он мог быть неинтересен, послезавтра — забыт, но сегодня в полной мере выполнял свою задачу.

Карикатурный портрет — как шутка, сатира, ирония, насмешка — всегда находил в Одессе благодарное понимание и адекватную ответную реакцию. Интерес к шаржу формировал исполнителей, решавших художественные задачи смело, своеобразно, занимательно. Среди одесских шаржистов можно было найти представителей всевозможных профессий (конечно, в первую очередь творческих). Условно всю их массу можно разделить на несколько групп. Основную, естественно, составят художники (причем, не обязательно карикатуристы, от которых можно было бы ожидать шаржей в первую очередь). Среди литераторов число шаржистов едва ли не превосходит число художников. Обостренное восприятие окружающего мира и тесное общение с себе подобными подталкивают писателей к ироническому самовыражению. К третьей категории шаржистов можно отнести деятелей театра и кино — артистов и режиссеров.

Наиболее прославленным одесским шаржистом, несомненно, является М. Линский — популярный карикатурист начала XX века. Его рабо-

ты регулярно появлялись в одесских журналах "Крокодил", "Бомба", "Театр и кино", в газете "Одесские новости", а затем и в столичном "Новом Сатириконе". В шаржах Линского — острый взгляд, умение выделить главные особенности облика. Почти не прибегая к гротескному утрированию, он мог соединить улыбку с усмешкой, юмор с сатирой, почтение с иронией. Судьба Линского печальна. После всероссийской славы последовали долгие годы эмиграции и расстрел фашистами в оккупированном Париже.

Воспитанниками одесского художественного училища, склонными к шаржированию, были Н. Лаховский и Ф. Сегаль, известные резкими портретами карикатурами периода революции 1905-1907 годов, И. Мексин, неравнодушный к театральной тематике, А. Козюренко, впоследствии ставший одним из ведущих художников журнала "Перец". Их жизненный и творческий путь совпал с переломным моментом в судьбе России.

Одновременно с ними блистали знаменитости до- и послереволюционного времени, ставшие известными далеко за пределами страны: М. Врубель, И. Бродский, Н. Альтман. Все они имели самое непосредственное отношение к Одессе: или жили в ней продолжительное время, или учились в городских художественных заведениях. Шарж был лишь эпизодическим увлечением в их творческой биографии. Они не стремились к заведомой деформации облика персонажа, скорее всего, их шаржи были одним из способов выражения впечатления от того или иного человека.

Немало шаржистов, связанных с работой в периодике, оказалось вне поля зрения широкой публики. Их работы, появившиеся нечасто, могли оказаться вовсе незамеченными, если бы среди их персонажей не случались люди знаменитые. Так, например, шаржи М. Дризо (Mad) на некоторых литераторов (С. Юшкевич) известны благодаря славе их моделей. О самом же Дризо без тщательных архивных разработок сегодня вряд ли кто расскажет. Он зарекомендовал себя отменным карикатуристом, участь на юридическом факультете Новороссийского университета. Его шаржи с успехом публиковались в одесской периодике. Но после революции он, как и Линский, вынужден был эмигрировать. До 1940 года они вместе работали в редакции парижских "Последних новостей", объединявших русских эмигрантов. После войны, до смерти, он сотрудничал во французской прессе.

Попадались среди художников, связанных с Одессой, личности экзотические, например Д. Бурлюк, оставивший не такое уж богатое художественное наследие. Среди его работ совсем скромное место занимали шаржи. Их можно было классифицировать двояко: как заранее задуманные портреты с деформированными чертами и как портреты, выполненные не совсем удачно.

В советское время число одесских художников-шаржистов не уменьшилось. В 30-е годы огромной популярностью пользовались карикатурные портреты Б. Антоновского, начинавшего в Одессе и осевшего затем в Петрограде-Ленинграде. Он стал художником журналов "Бегемот", "Пушка", "Дрезина", "Смехач". Его шаржи регулярно появлялись в газете "Литературный Ленинград". Характер Антоновского отличался природным оптимизмом, что повлияло и на его искусство: веселое настроение его рисунков мгновенно передавалось зрителям. В шаржах Антоновского, далеких от смакования второстепенных деталей, поражала расшифровка любой самой замкнутой природы, приведение ее к простому и ясному знаменителю.

Н. Лисогорский начинал как карикатурист и шаржист в 30-е годы, но пик его популярности пришелся на расцвет так называемого периода застоя (75-80-е годы). Начав образование в

одесской художественной школе, он стал ведущим шаржистом столичных изданий. В течение нескольких лет его карикатурные портреты публиковались едва ли ни в каждом номере "Литературной газеты". Шаржам Лисогорского не откажешь в сходстве, а художнику — в таланте распознавания главного. Но слащавая манера исполнения "сверхдружеских" портретов в конечном итоге восстановила против него немалую часть зрителей.

Среди одесских шаржистов, о которых сейчас редко кто вспоминает, можно назвать С. Зальцера, публиковавшегося в одесской периодике 20-х годов и прославившегося шаржами на кинодеятелей. Примерно в то же время становятся известны работы старших братьев И. Ильфа — Мафа и С. Фазина, незаурядных художников, авторов шаржей на друзей юности.

Читателям журнала "Крокодил", знакомым с карикатурами Б. Лео, трудно представить его в роли шаржиста, а именно с шаржей начиналась его карьера бывшего ученика одесской Свободной академии искусств. Совместно с И. Гинзбургом (будущим Игнатым) он выпустил в 1939 году альбом "Ленинградский балет в дружеских шаржах". К сожалению, в последующие годы его шаржи на страницах печати появлялись лишь эпизодически.

Любопытно, что в истории одесского шаржа фактически не было периода, когда бы он исчезал со страниц печати и из поля зрения любителей. Один художник сменял другого, литературная тематика чередовалась с театральной. Большую серию шаржей на артистов одесских театров выполнил выпускник театрального училища Н. Вылкуп. Более четверти века рисовал он одесских актеров и заезжих коллег, избегая комплиментарных и парадных изображений.

Родом из Одессы был необычный художник А. Мудрик, сумевший на какое-то время сделать популярными объемные шаржи. По его эскизам на одном из промкомбинатов в 70-е годы большими тиражами делали пластмассовые куклы с подвижными частями тела с карикатурно портретным сходством Ю. Никулина, Е. Леонова, пародиста А. Иванова... Может быть, они и не были шедеврами шаржевого искусства, но их невысокие художественные достоинства в какой-то степени компенсировались оригинальностью исполнения.

И в настоящее время продолжают появляться шаржи одесских художников. Немало их вышло из-под пера Б. Лукина — участника многих международных выставок и фестивалей, президента Одесской гильдии дизайнеров.

Еще на школьной скамье приобщился к карикатурным портретам К. Дремлюх. Окончив Нью-Йоркский университет и профессионально занимаясь проблемами кино и телевидения, он, тем не менее, не потерял интереса к шаржам. В США у него вышло несколько альбомов. На его веселых шаржах — личности популярные, знакомые большинству, схваченные иногда с чрезмерной экспрессией, впрочем, не мешающей узнаванию.

Среди тех, чьи шаржи можно встретить на страницах одесской периодики, можно назвать В. Джевагу и И. Кушнира. Если Кушнир чаще всего обращается к приему изображения "головастиков" — людей с малым тельцем и еще меньшими ручками-ножками, но с большой головой, то Джевага не пренебрегается какой-то конкретной стилистикой.

Писатели, может быть, даже активнее художников использовали шаржи как элемент творческой взаимосвязи с окружающими. Начало этому положил А. Пушкин. Его пребывание в Одессе оставило неизгладимый след как в творчестве поэта, так и в истории города. Непосредственное, острое восприятие людей и художественный талант позволили ему запечатлеть портреты (в том числе язвительные и карикатурные) многих одесских знакомых.

С легкой руки поэта и в дальнейшем

одесские литераторы оказались в той или иной степени причастны к шаржевому искусству. Можно назвать целый ряд имен писателей, при случае весьма остроумно воспроизводивших внешность окружающих. Тут и К. Чуковский, и Б. Житков, и А. Крученых, и Г. Шенгели, и более молодые В. Катаев, Э. Багрицкий, Е. Петров, С. Кирсанов, Л. Лиходеев... Некоторые из них планировали связать свою жизнь с искусством. Например, А. Крученых закончил в Одессе художественное училище (в 1910 году литературной компанией "Гилея" был выпущен альбом Крученых "Весь Херсон в карикатурах, шаржах и портретах"); другие, не всегда обладая высоким мастерством, с лихвой компенсировали этот недостаток выразительностью и умением запечатлеть переменчивое сходство. Лакоניות "изложения" и условность манеры не мешали им схватить главное — живое отражение облика в жизни, в движении. Шаржи, исполненные рукой Чуковского, Шенгели, Катаева могут служить подтверждением тезиса — талантливый человек талантлив во всем. Сама природа шла им навстречу, помогая интуитивно наносить линию в нужном месте. Так рождались их, может быть, редкие, но не случайные шаржи.

Э. Багрицкий был своим человеком среди художников. Он неплохо рисовал, и результаты его художественного творчества можно видеть на страницах некоторых книг его стихотворений.

Одессит С. Кирсанов — большой экспериментатор в области слова — продолжал эксперименты и в графике: составлял шаржи с помощью отпечатанных знаков пишущей машинки.

Л. Лиходеев — фельетонист и романист, с детских лет испытывая склонность к рисованию, сначала иллюстрировал свои книги, а в конце жизни "созрел" до публикации выставок созданных им шаржей.

Большую роль в поддержании шаржевого потенциала Одессы сыграла одесская киностудия. Объединяя артистов и режиссеров на основе профессиональной деятельности, она одновременно формировала из них мастеров с разносторонними интересами. На киностудии работал А. Довженко, перепробовавший до этого массу профессий (от дипломата до карикатуриста). Его многочисленные шаржи разбросаны по периодике Украины 20-х годов. В них он предстает как любопытный художник, не испытывающий трудностей в изображении живой природы. Позы, гримасы, эскипировка естественным образом переносились им на бумагу, а комическое переименование ситуаций и портретов говорило о веселом расположении духа художника.

Много позже на киностудию пришли С. Говорухин и Г. Юнгвальд-Хилькевич — молодые режиссеры с явно выраженным чувством юмора. Их шаржи радовали случайных зрителей (и, может быть, огорчали прототипов), но широкой публике они стали известны только спустя немало лет — как дополнительные штрихи к творческой биографии ставших знаменитыми режиссеров. Если Говорухин осваивал портретное искусство самостоятельно, имел некоторую профессиональную подготовку — окончил художественное отделение Ташкентского театрально-художественного института.

Вообще артистичные личности нередко обладают массой талантов, среди которых склонность к карикатуре не является чем-то исключительным. Можно вспомнить знаменитого актера начала XX века — Ст. Кузнецова, жившего в Одессе в детские годы и затем многократно проводившего здесь театральные сезоны. Его творческой энергии хватало не только на необыкновенное воплощение на сцене характеров разнообразных героев, но и на художественное отражение облика коллег. Многие его автопортреты и портреты артистов были выполнены с явным карикатурным акцентом.

Многого достиг А. Разумный, совместив то, что другим и по отдельности воплотить не всегда удавалось. Начав обучение в одесском художественном училище и занимаясь в любительских театральных кружках, он стал актером, режиссером, кинооператором, художником. Основной его интерес сосредоточился на кинопроцессе, потому и портретные его работы касались в основном представителей кинематографа. Почти в каждой из них конкретность изображения подчеркивалось плакатной заостренностью, граничащей с шаржем.

Склонность к шаржу, проявленная названными неординарными людьми, лишней раз говорит о том, что юмор — вовсе не выдуманная черта характера одесситов, а шарж — не случайная и не малозначащая разновидность портрета. Возможно, что именно внешняя несерьезность шаржа помогает авторам со всей полнотой выразить те чувства, что, будучи обобщены в иной форме, прозвучали бы лукаво или оскорбительно.

Демократичность шаржа и его доходчивость делают его понятным и любимым различными слоями населения любой страны любой эпохи, особенно если за его воплощение берутся люди талантливые и остроумные. В наличии этих компонентов у одесситов сомневаться не приходится.